

«Недавно я взобралась на Исаакиевский собор...»

— Елена Васильевна, признайтесь, юбилей — это просто возрастная граница или нечто большее?

— Гораздо меньшее, чем принято думать. Отпраздновали еще один день рождения, и все. Ничего страшного не произошло, ничто не изменилось. Надо только постоянно помнить о том, что возраст необходимо усмирять.

— Вы нашли в жизни все, что искали?

— Да, наверное. Чего я хотела от жизни — это состояться как человек. Чтобы совесть у меня была чиста, чтобы мне спокойно спалось ночами. И я забыла значения таких слов, как «соперничество», «зависть» и «ревность». И, конечно, главное, смогла реализовать талант, который дан мне Богом. Я просто сделала из себя раба музыки. Единственное, что я умею делать без усталости, — это петь.

— Каковы заветные «три карты» вашей судьбы?

— Мне в жизни выпало куда больше трех карт. Все мои роли — это карты, где ставкой была артистическая судьба. И козырными, я считаю, в этой колоде для меня стали Марфа в «Хованщине» Мусоргского, выразившая мою душу, Шарлотта в «Вертере» Массне, передавшая романтизм и лиризм моей натуры, и Амнерис из «Аиды» Верди, которой досталась вся страстность моего бурного темперамента.

— А кого вы считаете своей личной музой?

— Я от природы такая живая, во мне столько сил, я, как вулкан, что мне не нужно никакой специальной музыки и ничего другого, чтоб меня двигало вперед. Меня Боженька такой создал, вот сама себя изнутри и толкаю.

— С каждым выходом на сцену вы производите впечатление все более откровенного человека. А вообще существуют границы публичной откровенности?

— Это вопрос, который я очень часто сама ставлю перед собой. Но, чем дольше живу и пою, тем больше я подсознательно доверяю публике. Я никогда не знала предательства с ее стороны.

— Вас больше обуревают страсти или слабости?

— Наверное, страсти. Все в жизни происходит от любви и ради любви. А слабости меня не одолевают, я просто им этого не позволяю. Знаю, что мне ни в коем случае нельзя себя жалеть и останавливаться. Если остановлюсь, тут же умру.

— Вас называют одной из самых роковых женщин оперной сцены. Сколько в вашей коллекции мужских сердец?

— Не знаю, не считала. Но мне кажется, не очень много. У меня увлечение всегда случается спонтанно и неожиданно, как все в нашей жизни. И каждый раз по-новому. Начиная с 25 лет, когда ко мне пришла первая любовь.

— В 25 лет лишь первая любовь?

— Да, представьте себе, я впервые влюбилась именно тогда.

— А в школе?

— В школе я была, как мальчишка, очень компанейская. Мальчики за мной не ухаживали, они со мной дружили. Так что я в ту пору на свидания не бегала и всегда плакала на школьных вечерах: меня никогда не приглашали танцевать. Я стояла у окошка и ревела каждый раз...

— Вы часто ощущаете одиночество?

— Всегда. Чувство одиночества, думаю, присуще любому мало-мальски умному человеку. Иногда оно, конечно, разрушает, но бывает, что и очень хорошо побыть одному. Все хорошо в меру, надо только суметь ее найти для себя.

— Вы и сегодня говорите «да» в ответ на каждый предложенный вам контракт, как и в начале карьеры?

— Да.

— Отчего?

— От жадности. Я очень люблю работать и поэтому страшно боюсь момента, когда у меня не будет контракта, когда меня никто не захочет слышать и видеть. Наверное, поэтому постоянно рискую в пении, но не в жизни.

— Многие певцы за свою карьеру умудрились «сменить» голос. Вы же хотя и метали о Тоске и спели такую пограничную партию, как Сантуца, но так и не рискнули попробовать сопрановый репертуар. Не жалеете об этом?

— Нет, ни в коем случае. Хотя я поступила в Ленинградскую консерваторию как сопрано, но уже через год стала петь как меццо. Считаю, что все, кто искусствен «сменил» голос, все потеряли свой тембр. Это

Юбилейные фанфары, рулады и поздравления уже позади. В качестве напоминания о них остались лишь кипы приветственных посланий, фотографий, газетных вырезок, разные подношения да подарочный выпуск почти полного собрания тех записей, которые были сделаны дома. А аудиенция у русской оперной королевы Елены ОБРАЗЦОВОЙ по-прежнему очень заманчива...

Оперная прима — претендентка на попадание в Книгу Гиннесса.

непосильная нагрузка на голосовые связки, на нервную систему. И в начале своего пути, при том, что я выросла на пластинках итальянских теноров, я вообще страшно боялась всякого влияния со стороны. Мне хотелось остаться очень русской, самой собой, и я старательно оберегала все то, чем меня наградила Бог. Например мои нижние ноты, которые сперва были притчей во языцех, а теперь их все считают «фирменными».

— Ну а эксперименты в студии все-таки позволительны?

— Это можно. Например, я записала на «Мелодии» все женские партии в «Пиковой даме» Чайковского. К сожалению, эта запись куда-то подевалась, когда произошел раскол государства. Вот если бы кто-нибудь отыскал эту работу.

— Юбилейный цикл ваших концертов «Бенефисы Примадонны» был построен по антологическому принципу, иллюстрирующему вашу творческую биографию. А что-нибудь новое вами уже заготовлено на будущее?

— На следующий сезон у меня уже сделано несколько камерных программ. Брамс, Рихард Штраус, Шуман и Шуберт, Берг и Шёнберг. В определенный момент я поняла, что мне все больше и больше хочется петь именно камерную музыку. И сейчас мне даже жаль, что я принесла ее в жертву опере.

— С каждым сезоном вы все реже и реже появляетесь на сцене Большого. Театр до сих пор, за 36 лет вашей совместной работы, так и не поставил на вас ни одной оперы. Это адекватно вашему желанию или просто такая ситуация?

— Не знаю. Сейчас, наверное, просто не совпадают мои интересы с интересами людей, которые возглавляют Большой театр. У меня сейчас очень много контрактных обязательств — гастролей и мастер-классов, но я обязательно приезжала бы из любой точки мира и пела свои спектакли в Большом...

— Значит, у москвичей по-прежнему нет шанса увидеть вас в новой работе на оперной сцене?

— Думаю, что нет. Во всяком случае пока дома мне ничего не предлагают. Но на Западе меня жлет очень много работы — «Похождение повесы» Стравинского в Италии, в «Войне и мире» Прокофьева буду петь новую для себя партию Ахромовой и «Диалоги кармелиток» Пуленка в «Ла Скала». Сюю Климтемнестру — попробую свои силы в немецкой опере. Потому что я чувствую, что весь Вагнер сегодня — это моя роль.

— Вы все чаще появляетесь в Петербурге. В этом заложена некая «историческая справедливость»: урожденная петербурженка наиболее творчески востребована именно в северной столице?

— Многие зависят от людей, которые вокруг меня. В Петербурге в последние годы у меня сложились

очень дружеские отношения с Валерием Гергиевым. И он пригласил меня в Мариинский театр для свободного творчества во всех ипостасях. И я с большим удовольствием отдаю себя своему родному городу. Тем более что я всегда любила и люблю Ленинград. Меня тянет в этот город, без которого я жить не могу. Питерцы даже слух пустили, что Образцова переезжает в Санкт-Петербург.

— На ваш именник конкурс, который стартует в Петербурге 5 сентября, подало «Гиннесовское» число заявок — почти четыре сотни. Подобное количество способно родить таланты?

— Не знаю, посмотрим. Все зависит от контингента. Но не я придумала этот международный конкурс Елены Образцовой. Видимо, мне город к юбилею решил преподнести столь оригинальный подарок. Но пока только очень много работы и забот. Одни переживания.

— Сейчас России постигла настигающая «конкурсная лихорадка». Хотя соревновательность в искусстве, как известно, вещь слишком относительная. Может быть, стоит сделать так, чтобы уже участие в конкурсе было привилегией?

— Нет, это никак не получится. В таком случае должна проводиться огромная, просто дикая предвзятая работа. Это очень тяжело и дорого. И не очень поможет в решении почти риторического вопроса о конкурсной относительности. Потому что в любом случае съезжается лишь какое-то определенное количество соревнующихся людей. А помимо него существует огромное число других исполнителей. Поэтому конкурсы должны быть очень высокого класса.

— Легко ли найдут общий язык такое звездное и многочисленное жюри конкурса?

— Чертова дюжина, 13 человек. Конечно, бывает всякое, но собираются высококвалифицированные люди. А когда настоящие профессионалы работают вместе, бывает мало серьезных разногласий.

— А как вы сегодня вообще определяете форму своего творческого бытования в Москве?

— Я создала «Камерную филармонию», которая будет пестовать молодых певцов, только окончивших консерватории. Это будут мастер-классы, повышение квалификации. Я договорилась со многими преподавателями, которые сюда приедут из-за рубежа. И будем обязательно организовывать конкурсы и прослушивания для менеджеров, с которыми я работаю всю жизнь, пытаюсь как-то устраивать карьеру молодых. Конечно, настоящий талант всегда пробивается и делает большую карьеру. Хотя бывают случаи, когда из-за стечения каких-то обстоятельств ничего и не выходит. С ними мы и будем бороться, потому что и публика, и менеджеры —

все ждут явления грандиозного таланта. Весь мир замер в его ожидании...

— Почему, на ваш взгляд, ваши ученики даже близко не сделали той карьеры, которую сделали вы?

— У меня были очень хорошие девочки, и они все — ведущие в театрах и филармониях, где работают. Но таких, как я, в общем-то, конечно, единицы. Ведь не все на свете рождаются для большой карьеры, правда же? Когда таланта нет, то никакой педагог и никакое трудолюбие не поможет. Талант, без сомнения, — существо дикорастущее. И культивация ему не обязательна, хотя и полезна. И работать с ним нужно очень аккуратно, чтобы вид не загубить.

— А из-за чего вы оставили профессорское место в Московской консерватории?

— Потому что я не успеваю преподавать, а «налетам» я не хочу портить себе свое имя, как педагога. Для преподавания необходимо сидеть на одном месте и заниматься постоянно. Вот когда прекращу ездить, тогда попрошу обратно в консерваторию снова преподавать.

— У вас никогда не возникало желания изменить опере с драматическим театром?

— Да, возникало, и прямо сейчас я уже репетирую с Виктюком в его театре итальянскую пьесу «Антонио фон Эльба», которую он нашел специально для меня. Я абсолютно влюбилась в Виктюка. Он потрясающий режиссер, невероятно интересный, смешной и очень талантливый человек. С ним очень легко работать. Он такой убедительный, такой фантазер. Мне казалось, что большей

фантазерки, чем я, не бывает на свете, но он меня перешагивал. Он меня убеждает каждым своим словом, во всяком случае пока. Потом посмотрим. Еще не могу сказать, когда будет премьера, но, наверное, в следующем сезоне. Тогда и увидим, чем закончится эта моя авантюра.

— Когда-то в Большом театре вы поставили «Вертера» Массне. Сегодня вас мучают режиссерские амбиции?

— Это было скрыто от афиш и программ, но совсем недавно я за две недели «переставляла» «Кармен» в Мариинском театре. Рядом не было режиссера-француза, который поставил этот спектакль скромно и душевно, перегрузил его ненужными деталями, сделал очень много нелепого и мешающего музыке и уехал. Я его даже не знала. Со мной работал только художник — замечательный, тонкий человек. Это были счастливые для меня дни, но моя главная сегодняшняя мечта пока так и осталась неосуществленной. Мне очень хочется самой сделать полноценную авторскую сценическую версию «Кармен» и любовно поставить «Царскую невесту» Римского-Корсакова. Надеюсь, когда-нибудь мне театры в этом не откажут.

— А чего ваше любопытство касается в жизни?

— Всего абсолютно, мне все интересно. Я с детства и до сих пор безумно любопытная. Вот совсем недавно я забралась на Исаакиевский собор, на самую верхоутру, где голубь серебряный. Полезла туда без всякой страховки, куда нормальных людей не пускают, а нам сделали такую экскурсию. Я и на подводной лодке бывала, и мне тоже было интересно. Самое смешное, что меня в этих безумствах сопровождает моя самая близкая подружка Маквала Касрашвили (солистка Большого театра. — М.Б.). Мы очень любим ездить вместе и смотреть на мир своими глазами.

— Попытки привлечения к опере новой аудитории благодаря участию в концертах поп-звезд — слишком большой реверанс в сторону популярной музыки или это допустимый вариант?

— Там вообще нет никакого реверанса ни в какую сторону. Это чисто финансовые дела, а точнее просто сребрение денег с дураков.

В каждом театре должна вестись запланированная, умная работа для того, чтобы воспитывать и привлекать публику в оперу. Это громадный труд для очень умного человека.

— Жанр оперы существует четверста лет. На ваш взгляд, он сможет протянуть еще столько же?

— Даже не сомневайтесь. Искусство, как всякая человеческая необходимость, будет всегда. Надо только подождать, не торопиться. Сейчас время трудное, не для музыки. Музыка не требует покоя, и тогда обязательно родится гений.